

Интервью Александра Драбкина – журналиста издававшейся в 1990-е годы независимой газеты «Взгляд», данное им накануне Дня печати электронному изданию «Набат».

13 января журналистское сообщество страны отметило свой профессиональный праздник - День российской печати. Местные и региональные власти организовали по этому случаю торжественные приемы в честь работников средств массовой информации, где отмечена важность труда журналиста. День российской печати – это повод для серьезных размышлений об успехах и проблемах нашей журналистики. Об этом интервью Александра Драбкина – журналиста издававшейся в 1990-е годы независимой газеты «Взгляд».

Вообще иногда журналисту полезно перечитать подшивку старых газет. Лично для меня приятной и чрезвычайно интересной находкой стал архив независимой газеты «Взгляд», которая издавалась в Биробиджане под руководством бывшего народного депутата СССР Леонида Школьника на излёте перестройки в 1990-1991 годах.

Леонид Борисович Школьник

Признаюсь, что мне трудно судить о содержании этого издания, поскольку в нашем обществе до сих пор не утихают ожесточённые политические споры о событиях тех лет. Скажу больше: я принадлежу к лагерю оппонентов того направления, коим следовала газета «Взгляд» в позднеперестроечное время. Но при этом, конечно же, не могу не признать профессионализма журналистов этого издания. В истории областной журналистики биробиджанский «Взгляд» промелькнул ярко, хотя и мгновенно. Впрочем, по меркам того нестабильного времени газета прожила целый исторический период.

Изучив архив «Взгляда», который насчитывает всего 55 номеров, ещё перед новогодними праздниками я пообщался с одним из тех, кто издавал эту газету, — известным биробиджанским поэтом, журналистом и отставным работником прокуратуры и следственных органов Александром Леонидовичем Драбкиным. Он любезно поделился своими воспоминаниями о «Взгляде», его сотрудниках, о тревожном и одновременно насыщенном событиями позднеперестроечном времени. Уверен, что накануне Дня российской печати интервью с участием Александра Леонидовича, которое он дал нашей интернет-газете, будет и актуальным, и своевременным.

Александр Леонидович Драбкин

Кстати, в этом году День российской печати отметят в 27-ой раз. Впервые его отпраздновали в 1992 году вместо советского праздника прессы, который приходился на 5 мая - день выхода первого номера большевистской газеты «Правда». Российский день печати был учреждён постановлением Президиума Верховного Совета России 28 декабря 1991 года - на следующий день после принятия одного из самых старейших российских правовых актов - Закона РФ «О средствах массовой информации». Пожалуй, он до сих пор остаётся одним из немногих достижений ельцинского лихолетья.

Независимая газета «Взгляд» принадлежала к тем изданиям, которые способствовали рождению новых принципов в отечественной журналистике и предопределили появление нынешнего закона о СМИ.

Корреспондент: - Здравствуйте, Александр Леонидович! Кто был автором идеи издания газеты «Взгляд»?

Александр Драбкин: - Автором идеи был Леонид Борисович Школьник, который тогда являлся народным депутатом СССР. Я не помню, какие ещё были варианты названия газеты, но идея создания газеты принадлежала ему. У Леонида Борисовича было два соратника - это журналистка Лилия Скляр, которую тогда звали не Лилия Наумовна, а просто Лиля, и ваш покорный слуга. Мы поддержали идею Бориса Леонидовича, поскольку все тогда рвались в бой, всем хотелось чего-то нового.

Лилия Наумовна Скляр

Сейчас ведь даже если сообщат, что в Бирофельде, где раньше был военный аэродром, приземлился космический корабль, то это не будет сенсацией - ну приземлился и приземлился. А тогда, когда, например, Виктор Владимирович Болотнов привёз меня на место, где строился склад для хранения ядерных ракетных боеголовок, — это было интересно. И это было в нашем городе.

Корр.: — Это так называемый «неопознанный объект министерства обороны», который запечатлён на фотографии Ефима Вепринского?

А. Драбкин: — Да. Мы свободно фотографировали это место, потому что оно уже не охранялось.

Корр.: — До прихода в журналистику Вы были комсомольским функционером. Как так получилось, что Вы вдруг перешли на демократические позиции?

А. Драбкин: — Во-первых, мне не очень нравится словосочетание «комсомольский функционер», потому что были действительно и комсомольские функционеры, а были люди, к которым я себя отношу и которые добросовестно верили в то, что это всё правильно. В принципе сам комсомол ничему плохому никогда не учил. Я никогда не отказывался от комсомольских принципов.

Во-вторых, на этой работе мы «выпахивали», были достаточно принципиальны в решении вопросов. Ваш покорный слуга был снят с работы с очень нехорошей формулировкой. Это потому, что я не согласился с поведением и позицией тогдашней заведующей отделом пропаганды райкома партии. Меня за это с работы сняли. Так что я покладистым никогда не был.

Корр.: — Вы нарушали дисциплину?

А. Драбкин: — Нет, я всегда был дисциплинирован. Если мне ставили задачу, то я её выполнял. Незаконных задач мне никогда не ставили. Например, была такая АВМ — забота комсомольская — агрегат витаминно-травяной муки. В Головино на АВМ, допустим, работала бригада с УВД, агрегат всегда витаминку давал. А в Красивом — бригада из Ванино. Они как подопьют эти комсомольцы, бывшие зэки, так агрегат стоит. А надо, чтоб витаминка шла — тебя никто спрашивать не будет. Я приезжал и, как говорят в определённых кругах, рамсы разводил, чуть «пёро» в живот не получил, когда общался с ванинскими бойцами.

Но мы тогда договорились. Ребята поняли, что текст, мною иногда произносимый, не соответствует моей интеллигентской внешности. Они даже уточнили, бывал ли я в местах не столь отдалённых. Я ответил, что нет, но с народом общий язык нашёл. Сели, пообщались, выпили — витаминка пошла.

Я не относил себя к чистым функционерам. Да, конечно, вопросы «функциональности» решал. Я готовил пленумы, я писал доклады. Там было «Вперёд!» и «Да здравствует!» Это все делали, и я делал, но у меня всегда была трезвая оценка происходящего. Со многим я не соглашался. Ничего в этом не вижу удивительного.

Корр.: — Стало быть, со стартом перестройки у Вас началась эволюция во взглядах?

А. Драбкин: — Конечно. Я сдал партийный билет, но это уже было потом, когда я работал в заводской газете «Комбайностроитель» на Дальсельмаше. Тогда парторгом завода был Володя Сахов. Ему я сдал партийный билет, предварительно написав заявление и уплатив взносы. Происходящие процессы меня увели в другую сторону. Ты понимаешь,

отказавшись от партийного билета, я ни в коем случае не отказался от многих принципов, официально пропагандировавшихся партией. Мир, равенство, братство — ничего плохого в этих лозунгах не было. Другое дело — как на это равенство смотреть. Не может быть материального равенства. Этого никогда не было и не будет. Но человеческое равенство, равенство всех перед законом должно быть. В политике коммунистической партии ничего плохого не было, я от многих принципов до сих пор не отказался. Я старался трезво смотреть на ситуацию в стране. Выйдя из КПСС, я не отрёкся от тех коммунистов, которые победили в войне. Другое дело — зажавшиеся партийные чиновники последних лет. Были те, которые пахали, и те, которые жрали.

Корр.: — Наверное, на многое открывались глаза в период гласности. А чем, по вашему мнению, газета «Взгляд» отличалась от всех издававшихся в Биробиджане газет?

А. Драбкин: — Она выбивалась из общего ряда печатных изданий, но в ней была огромная потребность. Её покупали, у нас был свой читатель. Вообще газета видна по читателю. Если у «Набата» появился читатель, значит, «Набат» бьёт. Но читатель может сказать, что Сахаровский только за это цепляется, а вот об этом почему-то «Набат» не пишет. Почему «Набат» должен обращать внимание только на плохие известия? Можно бить в «Набат», когда цирк приехал, можно бить в «Набат» на любовь и цветы. И каждый что-то выберет для себя. Кто-то читает «Рыболов и охотник», а кто-то «Сад и огород». Также было и у «Взгляда» — к чему я тебя веду. Мы старались отражать интересы различных групп людей. Тащили мы всё в одну сторону? Да, конечно, тащили.

Корр.: — В так называемую «демократическую» сторону?

А. Драбкин: — Конечно. Надо понимать, что на свете не бывает полностью независимых газет. Да, материально мы ни от кого не зависели, но мы зависели от своих взглядов. Формально учредителем газеты был Фонд социальных изобретений СССР. Я сейчас не вспомню лица всех этих людей. На первом этапе они нам помогали.

Корр.: — А потом газета стала самокупаемой?

А. Драбкин: — Да, «Взгляд» был самым дорогим изданием в Биробиджане. К примеру, «Биробиджанка» стоила 5 копеек, а «Взгляд» — 50, то есть в десять раз дороже. Нам хватало на типографские услуги и гонорары корреспондентам. Редакция состояла из трёх человек, но у нас ещё и собственный бухгалтер был.

Корр.: — А как проходили заседания редколлегии? Наверное, в трудах провели десятки бессонных ночей?

А. Драбкин: — Да не было такого. Мы приходили, когда было время. Что интересно, мы с Лилей официально работали корреспондентами в редакции «Биробиджанской звезды». Главный редактор Николай Петрович Малахов нам ни разу не сказал слова за то, что мы работали в двух газетах. Две газеты умудрялись друг другу не мешать. Кстати, знаешь, какой тираж был у «Биробиджанки»?

Корр.: — Тысяч тридцать?

А. Драбкин: — Больше тридцати. Но мы не мешали «Биробиджанской звезде», мы работали и там, и там. И это не значит, что мы писали в той газете, имея одни позиции, а в этой — другие. Мы просто больше работали и высказывали свои позиции и в «Биробиджанке», и во «Взгляде». А заседания редколлегии проходили на квартире у

Леонида Школьника на улице Дзержинского, 12. Лёня звал свою супругу Галю, она приносила чай. Мы могли много курить. Я курил, Лёня курил, Лиля курила. В такой обстановке мы обсуждали идею номера.

Очень много идей подбрасывал Леонид Борисович. Во «Взгляде» было много перепечаток. Иногда в нашем кругу появлялись интересные люди. Приходил, допустим, Александр Котенков — в то время начальник политотдела одной из Биробиджанских войсковых частей и народный депутат России. Потом он был представителем президента в Государственной Думе.

Александр Котенков

Были идеи, были письма, скандалы были, но в суд мы ни разу не ходили. И у Школьника, и у меня, думаю, что и у Лили тоже, всегда была сумасшедшая ответственность за то, что мы писали. Если нас люди потащили в суд, то это не значит, что мы были неправы и недостоверны, это значит, что нас не поняли, нас неправильно услышали. Поэтому мы старались сделать так, чтобы нас услышали правильно. У газеты был внутренний стержень, который складывался из самих журналистов.

Корр.: — Так уж получалось, что в эпоху перестройки и гласности, образно выражаясь, вместе с грязной водой частенько выплёскивали и ребёнка. За то, что вы делали, у вас никогда не возникало чувство вины? Никогда не задумывались о том, что демократическая печать сыграла на развал Союза?

А. Дабкин: — Нет. Во-первых, никто из моих коллег не поддерживал развал Союза, это однозначно. Случилось это не по нашей вине, своих позиций в эту сторону газета «Взгляд» никогда не высказывала. Можешь почитать, там такого не писали. Что касается грязи, которая появилась в связи с демократией, то мы, наверное, этого не ожидали. Мы и представить не могли, что власть возьмут братки, потом не нажравшиеся партийные лидеры, перекусившие в демократов. Мы об этом не думали, мы-то думали о хорошем. А если что и получилось не так, как мы предполагали, то я на себя никогда вины за это не брал.

Да, газета «Взгляд» поддерживала Ельцина, но лично мне Ельцин никогда симпатичен не был. Мне нравились другие люди, может кто-то из его окружения, но он лично — никогда. Никогда в жизни я не поверил бы, что человек, который был секретарём ЦК партии, вдруг разом поменял свои взгляды. Он же не пацан был. Это была только борьба за власть, которую он не получил при коммунистах. Подчеркну: у меня никогда не было к нему тёплого отношения.

Корр.: — Но ведь газета «Взгляд» активно агитировала за Ельцина.

А. Драбкин: — Во-первых, он был лидером идеи, а мы стояли, конечно, на демократических позициях. Я от этого тоже не отказываюсь. Но никакой вины за это у меня нет. Я тебе честно скажу: если я что-то делал, то я старался делать это честно, в соответствии со своими внутренними взглядами и убеждениями. Конечно, есть вещи, за которые я считаю себя виноватым. Может, я чувствую свою вину где-то в личной жизни, но не в творчестве и не в журналистских материалах.

Я ведь воспитан мамочкой, которая была коммунисткой до мозга костей. Я во всё это действительно верил. Может, я не думал, что кто-нибудь доживёт до коммунизма, но сами идеи были правильные. Конечно, меня ломало, когда я сталкивался с тем, что люди, которые должны придерживаться одних принципов, реально поступают по-другому. «Ломки» были жуткие, ну так они и сейчас есть.

Кого выплеснули, какого ребёнка? Сейчас утверждаются какие-то нечеловеческие принципы? Да нет. Никто к этому не призывает.

Корр.: — Каких успехов добилась газета «Взгляд»?

А. Драбкин: — Я считаю реальным успехом, но в то же время глубоким поражением, независимым от нас, проведённую нами кампанию по спасению четверых детей, больных лейкозом. Именно газета «Взгляд» нашла возможность поместить их в белорусский онкологический центр. Находившаяся в Минске клиника могла принять всего 60 детей со всего Советского Союза. Её создали специально для лечения детей, пострадавших во время аварии на Чернобыльской АЭС. Мы смогли решить все вопросы, отправить туда наших биробиджанских ребят, и я искренне считаю, что это было нашей победой. К сожалению, врачам не удалось спасти этих детей, но мы как журналисты сделали для них всё, что могли. Кроме нас этого никто бы не сделал. Саша Селин, Митя Голубь... сейчас я уже всех и не помню.

Корр.: — Конечно, не стоит списывать со счетов то, что «Взгляд» был действительно органом гласности, который поднимал реальные проблемы. Наиболее яркие свои публикации во «Взгляде» вы можете вспомнить?

А. Драбкин: — Была статья про Александра Дублянского, который и сейчас живёт в Биробиджане. Его незаконно осудили за убийство, он отсидел десять лет и был оправдан. Этим материалом потерпевший аргументировал свои обращения, когда добивался компенсации.

Корр.: — То есть Вы рассказали о человеке, который пострадал из-за судебной ошибки?

А. Драбкин: — Да.

Корр.: — Наверняка резонансной была статья про «неопознанный объект министерства обороны» — недостроенный склад ядерных боеголовок под Биробиджаном?

А. Драбкин: — Да, там шевеление пошло.

Корр.: — А чем закончилось?

А. Драбкин: — Мы получили ответ от самого министра обороны СССР маршала Дмитрия Язова.

Корр.: — Резонансных публикаций во «Взгляде» было много. Но почему газета просуществовала всего чуть больше года?

А. Драбкин: — Я думаю, что эта газета изначально многим не нравилась. Но на определённом этапе она перестала кому-то нравиться до такой степени, что типография отказалась её печатать.

Корр.: — А кому, по вашему мнению, она перестала нравиться?

А. Драбкин: — Кому именно, я не могу сказать. В числе власть имущих были люди, с которыми на определенном этапе жизни у меня были серьёзные противоречия. Позднее, конечно, я понял, что они были сильными руководителями.

До сих пор уважаю ныне покойного Леонида Борисовича Корсунского (в то время — председатель областного Совета народных депутатов — прим. ред.). Кстати, к Юрию Афанасьевичу Скачкову (первый секретарь Биробиджанского райкома КПСС, позднее секретарь обкома партии и председатель областного Совета народных депутатов — прим. ред.) я тоже относился с уважением.

Леонид Борисович Корсунский

Юрий Афанасьевич Скачков

Но это тот особый случай, когда я не понимал, почему он выступил против меня во времена моей работы в комсомоле. Всё свои обиды я ему высказал один на один, но неуважения к нему у меня никогда не было. Сегодня его уже нет с нами, но я всегда считал его человеком трудолюбивым, вкладывавшим в работу всю свою жизнь. Я видел, как он работает: в шесть утра он уже был на ногах, а домой возвращался поздней ночью. Это сейчас в фильмах показывают зажавшихся партийных работников, а он был нормальный, умный, рабочий человек.

Корр.: — Так кому перестала нравиться газета «Взгляд»?

А. Драбкин: — Может, это был областной Совет. Но достоверных фактов, подтверждающих это предположение, у меня нет. Просто выходила газета и вдруг типография пишет, что по техническим причинам нашу газету печатать не будут. Что я должен думать? Нам же ничего не объяснили, сообщение прислали и всё.

Корр.: — А нельзя было перенести выпуск газеты, допустим, в Хабаровск, как это успешно сегодня практикуют многие биробиджанские издания?

А. Драбкин: — Тогда не было таких возможностей. Что такое тогдашняя газета? Высокая печать — это же не компьютерные файлы, пересылаемые по Интернету, это линотип. Газету набирали и верстали на первом этаже в типографии, во время вёрстки я бегал вверх-вниз смотреть гранки. Тогда надо было в день выпуска находиться в типографии. В Хабаровске стали печатать, когда появились компьютерные возможности. В то время этого нельзя было сделать, а переходить на какие-то листовки для нас было несолидно.

Корр.: — Расскажите подробнее о том, какие отношения сложились в редакционном коллективе?

А. Драбкин: — Ты знаешь, мы были дружны. У нас появились проблемы при подготовке последних номеров, потому что мы сильно устали. Леонид Борисович уехал, два месяца мы выпускали газету вдвоём с Лилей. Это было очень тяжело, потому что задач в «Биробиджанке» с нас никто не снимал. Начали появляться проблемы, но это был синдром усталости. А вообще мы были очень дружны, мы друг другу всегда помогали во всех вопросах. Вплоть до того, что если Лилия работает с материалом, я должен был забрать её сына из детского сада. Мы жили на одном дыхании, мы друг другу доверяли и нам доверяли, к нам обращались за помощью. Мы же все были биробиджанцы. Вообще самая нормальная газета — это та...

Корр.: — У которой есть обратная связь с читателем?

А. Драбкин: — Да, где есть обратная связь и где внутри коллектива люди не дружат друг против друга. Понимаешь? Дружат между собой и никогда не дружат друг против друга. Так было во «Взгляде». Мы привлекали как журналистов, так и просто единомышленников. Нам помогала Ниночка Зиновьева, архитектор Саша Ротенберг — умница, настоящий интеллигент. Когда он в Израиль уезжал, у меня сердце кровью обливалось.

К нам приходили интересные ребята. Мы подтягивали народ не по национальным признакам, просто нас интересовали люди. Писал в газету Яша Дехтяр. Он работал врачом-рентгенологом в поликлинике УВД, которая обслуживала также и областное управление КГБ. И он шёпотом говорил: «Эти кегебешники думают, что нас пасут. Нет уж! Это я их каждый день насквозь вижу».

Корр.: — Я думаю, что сотрудники органов госбезопасности, недавно отметившие вековой юбилей своей службы, на нас не обидятся. Какие вновь зарождающиеся политические силы поддерживала газета «Взгляд» в самом начале 90-х годов?

А. Драбкин: — Мы поддерживали поднимавшиеся демократические силы, например, движение «Демократическая Россия». С газетой сотрудничал один из активистов тогдашней демпартии в Биробиджане Валентин Козлов-Бирский. Часто выступал во «Взгляде» Саша Гумиров, который тогда себя позиционировал как социал-демократ. Сейчас он живёт с семьей в Америке.

Корр.: — А как развивались отношения с традиционными партийными органами? Ведь в то время продолжали функционировать обком и горком КПСС, утратившие прежнее всевластие, но не ещё не сошедшие с властного олимпа.

А. Драбкин: — Какой-то вражды и особого противостояния не было. Помню, последним первым секретарём обкома партии был Владимир Капеистов, мы даже брали у него интервью. Горкомом КПСС руководил Сергей Штогрин, вторым секретарём горкома был Виктор Солнцев. Тогда он активно защищал советскую власть. Но вражды с партийными органами у нас никогда не было.

Корр.: — Но ваша газета регулярно высмеивала позднюю КПСС.

А. Драбкин: — Да, было такое, но без вражды.

Корр.: — Это были мелкие булавочные уколы?

А. Драбкин: — Ты мне скажи, разве сейчас не колют «Единую Россию», коммунистов и ЛДПР? Да сколько угодно! Да, мы цепляли позднесоветских коммунистов и нас могли цеплять. В Биробиджане периодически появлялись и умирали газеты, но «Взгляд» помнят многие.

Корр.: — Александр Леонидович, большое спасибо за интервью.

Даже через 27 лет независимая газета «Взгляд» не оставит современного читателя равнодушным. Не скажу, что все публикации газеты читать приятно, но интерес они вызывают неподдельный. Любители профессиональной независимой журналистики, которых в нашем городе, к счастью, немало, могут ознакомиться со «Взглядом» на [сайте](#) «Историческое и культурное наследие Еврейской автономной области».

От редакции интернет-газеты «Набат» хочу поблагодарить Александра Леонидовича Драбкина за интересное и содержательное интервью. Замечу также, что наш уважаемый интервьюер по воле судьбы имеет возможность два дня подряд отмечать профессиональные праздники: 12 января – День работника прокуратуры, а 13 января — День российской печати, с чем мы его от всей души и поздравляем.

Журналистам области желаем сохранять принципиальность и гражданскую позицию, отстаивать правду и справедливость, помогать людям, усиливать общественное влияние прессы. И пусть в этом всем нам помогает бесценный опыт старших товарищей.

С наступающим профессиональным праздником, уважаемые коллеги!

Владимир Сахаровский